

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

СРЕДА, 22 ІЮЛЯ 1925
MERCREDI, 22 JUILLET 1925

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe — « LES DERNIÈRES NOUVELLES », Directeur P. N. MILIOUKOV

СРЕДА, 22 ІЮЛЯ 1925
MERCREDI, 22 JUILLET 1925

№ 1607

6-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ
170

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА «ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ»

(за 1-го и 10-го номера отдельно)

	1 нбр.	2 нбр.	6 нбр.	1 годъ
Во Франціи.....	10	20	60	95
Во-внѣшней.....	15	30	90	130

Пересылка адресом — 1 фр.

Подписки принимаются въ Конторѣ Редакціи и во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ, — Принимъ объявленій въ Конторѣ Редакціи.

Цѣна въ Парижѣ и провинціи 20 сантим., во-внѣшней 25 сантим.

НА «ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ» СЪ ГАЗ. «ВЕНГО»

1 нбр. 2 нбр. 6 нбр. 1 годъ

15,—	30,—	90,—	135
25.50	51.20	151.80	225

REDACTION ET ADMINISTRATION

РЕДАКЦІЯ « КОНТОРА »

20, rue Buffault, 20, Paris (IX) Телѣ. Trudaine 25-67. Телѣфонъ свѣтъ сѣверный Trudaine 24-76.

ABONNEMENT AUX «DERNIÈRES NOUVELLES»
et LE JOURNAL «VENGO»

1 нбр. 2 нбр. 6 нбр. 1 годъ

11,—	21,—	61,—	106
16.50	32.20	96.50	156

Adresse Télégraphique : DEAROUYED

Телѣграфическій адресъ : PARIS.

ABONNEMENT AUX «DERNIÈRES NOUVELLES»
(Partiel de 1 et 10 de chaque mois)

1 нбр. 2 нбр. 6 нбр. 1 годъ

10	20	60	95
15	30	90	135

Changement d'adresse : 0 fr.

On s'abonne aux Bureaux du Journal et dans tous les Bureaux de poste.

Adresses : aux Bureaux du Journal.

Le Numéro : Paris et Départements 20 c., Étranger 30 c.

№ 1607

6-me
ANNÉE
170

О штампованной интеллигенции

В советской печати, как известно читателям «Послединок Новостей», человек теперь вопрос об интеллигенции. Ее бранят по общему, но так как в ней представляется возможность, то интеллигенцию собираются «општамповать». Советского гражданина-общателя, в таком случае, ждется прощель, который происходил на старинных монетных дворах. Там металл сперва плавили в молотках, затем высекали публично кружком, потому ставили на него стальной штамповщик, гравированный «штампом», наносили по шпинделю сильный удар жесткой болванкой, причем кружок держали клещами, чтобы он не ускользнул. Такое же образование, повиновению, штамповать выроставшую интеллигенцию. Не металл, а громадный общатель станут «штамповать», «гвоздить» «зубилом», «гвоздить» «болванкой» или даже болванкой, да держа при этом клещами, чтобы штампуемый не ускользнул. Что касается старой интеллигенции, то ее предполагается «перечеканить», как глумилось ефимки в рубль при Алексее Михайловиче.

По этому поводу позволю мне подвести несколько по поводу вопросу об интеллигенции. Это полное слово, усвоенное у нас с легкой руки П. Д. Боборыкина, как известно, подымало чрезвычайную популярность. Об интеллигенции писались тома, ее то превозносили, то «разносили» (или второе, или первое), причем дождались точно не определяли, что подразумевается под этим понятием. Между тем, сколько найдут научные выходы возможны только в случае совершенно точного определения: основных, первоначальных. Что же такое «интеллигенция»? К. Давно бесполезно обращаться, ибо в его время этого слова не знали у нас. Слово «интелли-

генция» иль на у Бланшиского, на у Добролюбова, на у Писарева, на у Чернышевского. Автор «Опыта русской фразеологии» так определил слово «интеллигенция»: «Образованная, умственно развитая часть жителей». Определение, как видите, совершенно неточное. Интеллигенция — нечто другое, чем «образованные жители». Это «нечто другое», не определяя его, завуалировал в русской литературе гораздо раньше, чем являлся «Вики». Почти за двадцать лет до появления «Вики» русский беллетрист писал пришлое, что «далеко разномыслие слезливых и мочевых, которые мы называем интеллигентами». Далее следуют характеристика «слезливых»: «Влада, азиатская, дально философствующая, холодная интеллигентная, которая не патриотична, уныла, безыдушная, которая вылетает от одной комнаты, которая брешит и охотно отрицает все, так как для дельного мозга легче отрицать, чем утверждать». Так писал будущий знаменитый беллетрист, типичный интеллигент, отличный специалист по русской интеллигенции 1). Иностранцы, знавшие русский язык и изучавшие Россию, пытались не раз ответить на вопрос, поставленный выше. «Что такое интеллигенция?» — спрашивается в своей книге, вышедшей в 1914 году, один из друзей английских знакомых России. «Сказать — что интеллигенция это — образованная часть общества или что интеллигенция это — люди, пишущие книги, еще недостаточно. «Интеллигент» не только «Intellectual», а еще нечто, кроме того». Автор говорит, что ничего подобного русской интеллигенции иль в другой стране. «Отличительной чертой интеллигенции является не то, что она пишет книги и газетные статьи или об-

суждает литературные вопросы и социальными программами, а то, что она делает это во имя более совершенного политического порядка, должностного политического строя. Все, что делает интеллигент, пропущено стремлением к освобождению и преобразованию». Автор утверждает, что хотя в России интеллигенция пишет книги и статьи, но не всякой писатель интеллигент. «Толстой, конечно, не был интеллигентом... Тургенев тоже не был им, хотя очень интересовался интеллигентной и часто изображал ее в своих романах... Достоевский, быть так, не был интеллигентом». Автор далее говорит, что русская интеллигенция скорее напоминает религиозный орден, чем литературного братца. В ней есть нечто и от пуритана и от баптиста 2). В русской интеллигенции пропущено сознание жизни и религиозного долга, хотя большинство ее занимает себя эстетизмом и материализмом». Далее автор отвечает «догматизм, уныние и критический дух» русской интеллигенции. Мы охватываем отдаленные черты без общего определения того, что такое интеллигенция. Из этих двух выдержек вытекают следующие. Очевидно, одно и то же название («интеллигенция», «интеллигент») применялось и применяется к различным отсутствию точного определения из инстинкта противоположных, часто не имеющих никакой связи. (В рассказе Чехова «Паншин» в деревенском лапачнике Андрей Андреевич называет «верное — запущенное интеллигентом и старожилу»).

3) Н. W. Williams. «Russia of the Russians».

ли безмерности, — говорит Иван Карамзин. А которые из Бога не вступают, ну, то о социальном и об антропологическом, о переделке всего человечества по новому штату, так еще это охоту же черт вымывает, все те же вопросы, только с другого конца». Вера — способность присущая действительным интеллигентам, все равно, принимают ли они установленный культ или отрицают его. «Русская жизнь представляет из себя непрерывный ряд взрывов и улачений», — говорит настоящий интеллигент Лихарев в рассказе Чехова «На большой дороге». Невзрач на отрицают он еще, если ждете знать, и не нота. Если русский человек не вкратце в Бога, так значит, что он вкратце во что нибудь другое». Из такого определения интеллигента («человек, допускающий идеал») логически вытекает, что совершенно не интеллигентным человеком может быть университетски образованный, тогда как интеллигент, во всей строгости, мало пришедший полуграмотных скептиков, как бы далеко из идеалов ни казался нам. Теперь, если определение «интеллигент», «постараемся высказать о свойствах». Русскую интеллигенцию обманили по многим причинам, между прочим, из космополитизма. В своей (т. е. настоящей интеллигенции, богословской) казалось много, что она не имеет родины, но то была иллюзия. Русский интеллигент, стыдящийся слова «патриотизм», всегда горю любил родину и готов был для нее в каждый момент на самую жертву. «Для него не было никаких ни физических, ни моральных границ оков», — описывает Толстой Оленина («Какая») ... У него не было ни семьи, ни отечества, ни края. Он ни во что не вкратце и ничего не признавал». Оленина, в значительной степени, — сын Толстой. Вскоре после написания «Какая» началась Крымская война, и «Оленина», у которого «не было отечества», поехал защищать Севастополь. Во время японской войны Толстой, отрицавший государство,

анимально сближался с осадой Порт-Артура. «В наше время поступать бы иначе, — сказал он, — тогда город был бы славен: — мы воевали бы Порт-Артур и не отакали бы его жеприетелью». Типичный русский интеллигент, анимист П. А. Кропоткин, отрицавший государство, горячо любил Россию и прямо болел во время русско-японской войны в 1904 году. «Поражение» тогда он невинил от всей души. Русский интеллигент, стыдящийся слова «патриотизм», страстно любил угрюмую, иную, не культурную Россию. Он отлично понимал значение дерзновенного стиха: «Я люблю — за что, не знаю сам — ее полем холодное моющее». «Была минута, когда Пошехонская страна приводила меня в восторг», — писал «настоящий» русский интеллигент М. Е. Салтыков. — У такой минуты, когда бы сердце не перестало биться во ней, я религиозно не знаю. Такая эта страна — ее мало любить» 3).

Действительный русский интеллигент, высоко ценя свободу, безусловно дорожил умственно независимостью. Настоящие интеллигенты определялись, прежде всего, критическим отношением ко всякому рода штампованным формулам, клямам бы авторитетом, они не пользовались и какого бы цвета они ни были: белого, черного или красного. «Не будет миру свободы, пока все религиозное, политическое, не перестанет из человеческого, простое, подлежащее критике и отрицанию», — писал «настоящий» русский интеллигент А. И. Герцен. Возмущаясь логикой несправедливости космополитизма истины, она как разрабатывала из англичанского чина в польской, она из свидетелей таланта делала мнимые истины, она ничего не считала неприкосновенным 4). Странней раньше, Герцен говорил: «Разум, благополучие, как

Коммент, неинтересны и строга, они ни на чем не останавливаются». «Настоящий» русский интеллигент не может сделать себе куража из форм, хотя бы и инстинктивно «красной», ни из теории, хотя бы она касалась даже народа. «Настоящий» русский интеллигент Н. Г. Чернышевский хвалил Николая Успенского именно за то, что у него иль «идеализация» народа. Н. Успенский пишет о народную правду, без всякого предрассудка. «Дальше дело критика стало заходить, что из повстанца и очерка из народного быта и характера, и обличия, и понятия о нем идеализируются», — говорит Н. Г. Чернышевский. Автор, признавая иль отнюдь «народности», провинившись над беллетристом, идеализируя народ из вид Ахана Ахасири, о котором можно только сожалеть, который может получить себе возмездие от нашего сострадания. «Ни одного слова жестокого или порочащего о народ», — продолжает Чернышевский. Вся недостатки прочтены, заглушены, замаскированы. Намается только на то, что народ несчастен, несчастен, несчастен... Прекрасно и благородно, но особенность благородно до чрезвычайности. Только какая польза из этого — народу?».

Только такие умственно свободные мыслители правды, не делавшие себе куража из форм, ни из теории, представляли «настоящую» интеллигенцию. Когда иль такой интеллигент, оправдывается провозглашение Шелера: «Ваша власть, ваша Шелера с нами, вы хлебать станете». Когда истреблен «настоящая» интеллигенция в России, то стали хлебать не только мы с вами, но даже народ без шей. Из всего сказанного вытекает, что интеллигенция, т. е. «настоящая» интеллигенция, штамповать невозможно, ибо отщепительный принцип ее — умственная свобода и независимость мысли.

3) Н. Шелер, «Эстетическое мышление», 4) А. И. Герцен, «Съезды и съезды».

Давно

Лондон

1) А. П. Чехов, «Письма», т. II, стр. 449.